

Элеонора

Я знала, что будет дальше, Катейну даже не нужно было говорить.

Это все из-за Рены. Ее ложное свидетельство стало последним ударом.

Это была моя ошибка в том, что я любила их: Катейна, Рену, эту империю, этот народ.

Я отдал им все, и это обернулось ядом против меня.

Неужели это всегда было моей судьбой?

Неужели мне суждено было жить и умереть только для того, чтобы помочь империи?

.....

Теперь у них был могущественный лидер, любящая императрица и империя, которая стала успешной благодаря моему собственному труду и преданности.

Для меня больше не было места в этой картине.

Я больше не была нужен.

— Я думаю, что доказательства привели к очевидному выводу. Есть ли у вас что сказать в свою защиту, Элеонора? — спросил Катейн.

Я очистила свой разум и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

Не было смысла пытаться оспорить обвинения, я не могла сделать или сказать ничего, что могло бы изменить их мнение.

Мария покачала головой, и я поняла ее намек.

Если я сбегу, используя свои магические способности, или решу сопротивляться, есть надежда победить.

Но это только докажет мою вину, я стану беглянкой, избежавшей смертной казни.

Настоящий рыцарь никогда не сбежит с поля боя, даже если ему придется умереть.

Я не буду просить пощады. Я не сделала ничего плохого! Я не могу убежать. Я встречу свою судьбу.

— Я искренне надеюсь, что Богиня покарает вас всех за убийство невинного, которое вы собираетесь совершить, — сказала я с горечью, и на моем лице не было никаких эмоций. — Я больше ничего не могу сделать, чтобы доказать свою невиновность против груды ложных доказательств, которые вы предъявили, но в глубине души... Я надеюсь, что вы все будете страдать. Когда меня не станет, и вы останетесь одни, надеюсь, я буду преследовать вас в кошмарах. Надеюсь, мое лицо — это то, что вы увидите, когда, наконец, встретите свою смерть. Моя единственная ошибка в том, что я любила.

Наступила тишина. Никто не говорил, никто не двигался.

Я не думаю, что кто-то ожидал, что я скажу что-то настолько сильное.

Возможно, они предполагали, что я буду плакать и просить прощения у Джены, как это сделала Рена.

Но я отказалась преклоняться перед этой тварью.

Возьмите мою голову, но вам придется отрезать мне ноги, прежде чем кто-то увидет, что я преклоняю перед ней колени.

Я повернулась, чтобы посмотреть на нее, и к моему удивлению, она смотрела прямо на меня, ухмыляясь.

Она смотрела на меня так, как будто все время знала, что именно так все и закончится. Она впервые посмотрела на меня, открывая свою истинную натуру.

Тогда я понял, что она планировала все это с самого начала.

Мои выкидыши, жизнь в заброшенном дворце, изоляция, Катейн, Рена, мой отец... кто знает, что еще.

Она притворялась, что ничего не понимает, чтобы никто не заподозрил ее.

С отвращением я подумала, не убила ли она своего собственного нерожденного ребенка, чтобы загнать меня в ловушку.

Или она никогда не была беременна? Я молилась, чтобы это было последнее.

Император прочистил горло, возвращая внимание к себе.

— Очень хорошо. Итак, все, кто считает Элеонору Далтон виновной в убийстве наследника империи и в намерении причинить вред королеве, встаньте, пожалуйста.

Это выглядело единогласно. Я в ужасе наблюдала, как один за другим все встают, их лица обращены ко мне.

Я проверила ряды членов, и мои глаза поймали кого-то, кто пристально смотрел на меня.

Те же малиново-рыжие волосы, черные глаза.

Это ни кто иной, как герцог юга, который редко выходил в свет. Альберто Дион Ричардо.

Вместе с ним остались сидеть маркиз Розелия и герцог Хец...

— Герцог Хиц, герцог Ричардо, маркиз Розелия?

Катейн назвал их имена, указывая на то, что они были единственными, кто не стоял.

Они выглядели безразличными, не обращая внимания на то, выделили их или нет.

— Я не верю, что это сделала она. Мне кажется, что это возможная подстава, и большинство улик в лучшем случае косвенные, — сказал маркиз Розелия, его голос был непоколебим и уверен, как всегда... Герцог Херц кивнул в знак согласия с ним.

— Бывшая императрица права. Я не хочу, чтобы ее лицо преследовало меня, как приговорившего ее к смерти. Вы все можете быть благодушны, но я не продам свою душу ради популярности, сказал герцог Ричардо с мрачным лицом.

Седрик Рейвен тоже сидел справа, но под взглядом герцога Рейвена он медленно поднялся со своего места, ничего не сказав, и продолжал виновато смотреть на меня.

Шепот шокированных замечаний разнесся по толпе, поскольку все не могли поверить, что кто-то не признал меня виновной.

Катейн выглядел рассерженным тем, что кто-то выступил против большинства, хотя и пытался это хорошо скрыть.

Его голос стал жестким, когда он продолжил говорить,

— Мы собрали большинство, чтобы продолжить. Пожалуйста, принесите мне меч.

Он указал на случайного служителя в стороне, и они быстро начали распаковывать меч.

Это был богато украшенный и наточенный меч, который использовали на полях сражений. Он принес империи множество побед.

Эфес, состоящий из нескольких синих и белых драгоценных камней и золотой резьбы, придавал мечу необычайную красоту и привлекал внимание... но на нем также была кровь бесчисленных людей.

Это меч, с помощью которого я выигрывала бесчисленные битвы, а также подарок моего отца на тринадцатилетие.

«Ты действительно жесток!»

Он собирается убить меня моим собственным мечом! Меч, на котором выгравировано мое имя, собирается убить своего хозяина.

Теперь мой меч будет окровавлен моей собственной кровью.

Катейн крепко схватил мой меч и осмотрел его, чтобы убедиться, что он по-прежнему острый. Острие сверкнуло в мою сторону, словно умоляя подойти ближе, поприветствовать его.

Когда он убедился в его хорошем состоянии, он повернулся ко мне, его глаза были такими же острыми, как и у меча.

Это был конец. Это был конец. Все было напрасно.

Какую горькую, печальную жизнь я прожила. Такая пустая, такая одинокая.

— Вы признаны виновной в предъявленных вам обвинениях. Убийство наследника империи и причинение вреда императрице, — начал Катейн. Поэтому я, император империи Валентино, властью, хранящейся во мне, приговариваю тебя, Элеонору Далтон, бывшую императрицу империи Валентино, к смерти. Ваш приговор должен быть приведен в исполнение немедленно.

Как бы я не сохраняла самообладание, меня охватил страх.

С каждым шагом, который он делал ко мне, мне все больше хотелось бежать.

Значит, ему очень хотелось убить меня немедленно.

Я хотела этого больше всего на свете. Почему я так долго ждала, прежде чем попытаться сбежать?

Этот человек был моим смертным приговором задолго до этого, но я была слишком слепа, чтобы увидеть это.

На трясущихся ногах я опустилась на колени перед деревянным пнем. Мария все еще хватала меня за ногу, уговаривая бежать.

Затем рыцарь схватил ее и заставил встать на колени рядом со мной.

— Прости меня, Мария. Ты умрешь из-за меня.

— Нет... нет... миледи... — она больше не произнесла ни слова, так как рыцарь рядом с ней уже замахнулся мечом.

Ее голова упала передо мной, а ее открытые глаза смотрели на меня.

.....

Глядя на нее, я набралась храбрости.

Даже если я выживу, как я буду жить? Смогу ли я жить, зная, что тысячелетняя слава нашего герцогства была уничтожена из-за меня?

Все в герцогстве погибли, а мой отец сидит в тюрьме из-за меня?

Смогу ли я дать своему ребенку хорошую жизнь, будучи убийцей бывшей императрицы?

Ответ ясен... Нет, не смогу.

Меня не нужно было толкать или пихать, я с готовностью положила голову на колодку и закрыла глаза, ожидая.

Мне казалось, что я не могу дышать, слезы начали катиться по щекам. Затем я почувствовала ужасную боль в животе.

Ребенок в моем животе начал сильно пинать меня.

Возможно, он почувствовал, что его собственный отец собирается убить нас.

Как я была наивна.

Я строила из себя самую умную в империи, но в итоге оказалось, что на самом деле я был самой тупой

Я выиграла все битвы, но проиграла главную битву своей жизни. Я защитила империю, но не смогла спасти себя и своих детей, отца, Марию, наше герцогство.

Когда я почувствовала, что передо мной стоит Катейн... Я повернулась лицом к нему, вместо того чтобы встать на колени, и открыла глаза, чтобы посмотреть на него.

В его красных глазах были смешанные чувства, которые я не могла понять, да и не хотела больше понимать.

Я открыла рот, чтобы заговорить, когда он поднял руки, чтобы обезглавить меня.

— Я ненавижу тебя, Кат. Я никогда не прощу тебя за то, что ты убил меня и моего ребенка.

Услышав мои последние слова, его глаза расширились от ужаса, но было слишком поздно, чтобы остановить меч.

Я почувствовала движение воздуха, слабый звук взмаха меча...

...а затем наступила тьма.

<http://tl.rulate.ru/book/92142/2997965>